UDC 101.1 DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_235_244

Н.М. Смирнова

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА НА VIII РОССИЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ

Аннотация: *В статье рассмотрены дискуссионные аспекты изучения творчества, обсуждавшиеся на секции «Философия творчества» VIII Российского философского конгресса. Обосновано определение предмета философского исследования творчества как созидания новых культурных смыслов. Показано, что понятие новизны является необходимым, но недостаточным в определении творчества. Дана оценка и двум альтернативным подходам в понимании объема понятия творчества.*

Ключевые слова: *сознание, творчество, инновация, социальная типизация, когнитивные паттерны, жизненный мир человека.*

Российский философский конгресс, которого мы с нетерпением ждали более двух лет, наконец, состоялся. И, подводя его первые итоги, следует признать, что столь долгое ожидание не было напрасным. Небеспочвенные опасения, что двухлетняя отсрочка приглушит былой интерес к столь ожидаемому мероприятию, к счастью, не оправдались. Конгресс воочию продемонстрировал, что в российском философском сообществе ощутима острая потребность в углублении профессионального общения между представителями философско-педагогического корпуса и академическими учеными для объединения усилий в целях совместного исследования на-

Смирнова Наталия Михайловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва). E-mail: nsmirnova17@gmail.com

сущных философских проблем. Работа нашей секции показала, что это в полной мере справедливо и в отношении самой таинственной способности человеческого духа – творчества.

Осознавая свою ответственность перед представителями педагогического сообщества отечественной высшей школы, а также и более широкой философской общественностью, сектор философских проблем творчества института философии РАН организовал на VIII Российском философском конгрессе секцию № 23 «Философия творчества» (со-председатели секции – Н.М Смирнова и С.Н. Семёнов (Уфа), ученый секретарь – Ю.С. Моркина). Организационные аспекты процесса формирования секции «Философия творчества», отбор докладов и обсуждение содержательного наполнения предстоящей работы способствовали углублению ранее сложившегося профессионального взаимодействия между московским и региональными отделениями Российского философского общества в изучении творчества. Моя особая благодарность – коллеге из Уфы, С.Н. Семёнову, внесшему весомый вклад в формирование секции и подготовку последующих рекомендаций по итогам её работы. Я обращаю слова благодарности и к Президенту Российского философского общества А.В. Смирнову, и его заместителю Ю.М. Резнику, под эгидой которых удалось осуществить бесперебойную работу секций конгресса.

В процессе двухдневной работы секции «Философия творчества» было заслушано 32 доклада. Ядро докладчиков составили сотрудники сектора философских проблем творчества Института философии РАН, традиционно возглавляющие отдельные направления исследования творчества. К ним относятся: философско-методологический анализ творчества как смыслообразующей деятельности человека в философском, научном и художественном мышлении; реконструкция когнитивных оснований творческих процессов на основе исследований новейших тенденций в эпистемологии («телесно-ориентированного» познания, «расширенного» понимания сознания, нейрофилософии, философии искусственного интеллекта, дискуссионных аспектов соотношения образа и зна-

ка, языка и мышления; исследования в области феноменологии смысла в контексте критики новейших версий радикального натурализма в теории познания; концептуальный анализ смыслообразующей деятельности человека в крупнейших философских проектах современности: философско-аналитическом, феноменологическом и постструктуралистском; анализ базовой метафорики языка творческого бессознательного и динамики смыслообразования на различных этапах когнитивного развития личности; анализ когнитивных презумпций исследования смысла как идеальной предметности культуры; исследование социальной онтологии художественной реальности и расширение творческих возможностей человека на основе цифровых технологий (см.: [2; 3; 4; 5; 6; 8]).

Высокий интерес к исследованию различных аспектов творчества и выработке общего языка междисциплинарного общения проявили представители научно-педагогического сообщества из различных регионов РФ, приславшие свои заявки на РФК. Оживление в работу секции внесли и представители музейного сообщества. География секции охватила практически всю страну: Москву, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Чебоксары, Сургут, Тулу, Самару, Ростов-на Дону, Рязань, Уфу, Казань, Омск, Чувашию.

Первый вопрос, неизбежно встающий перед исследователем творчества: каков *предмет* его изучения? Постараюсь прояснить свою собственную позицию. Задаваясь подобным вопросом, я не имею намерения дать всеобъемлющее определение творчества. Иными словами, суть моего вопрошания состоит не в попытке ответить на вопрос, «что такое творчество?» как объект междисциплинарного постижения, но каков *предмет собственно философского исследования творчества*. Иными словами, что значит быть философом в изучении творчества?

Исходя из современных философско-методологических представлений [7], предмет исследования представляет собой определённый когнитивный срез, аспект изучения объекта, по умолчанию обладающий бесчисленным множеством характеристик. Он задан не только направленностью луча ис-

следовательского внимания, т.е. когнитивным интересом представителей определенного научного сообщества, но и – что менее очевидно – конституирован теми средствами/методами анализа, которые находятся в его распоряжении: схемы метода задают схематику предмета исследования.

Вспомним, М. Вебер ограничил предмет исследования своей «понимающей» социологии исключительно целерациональными действиями, составляющими лишь незначительный массив в общем составе социальных (ценностно-рациональных, традиционных, аффективных) действий [3]. И причина подобного самоограничения состоит в том, что целерациональные действия доступны методу смысловой реконструкции на основе рационального постижения целе-средственных отношений. Обусловленность предмета исследования доступными средствами и операциями деятельности (тезис неклассической рациональности В.С. Степина), в данном случае – методами концептуального анализа (исключая, к примеру, интроспекцию и эмпатию), заметно сужает предмет собственно философского исследования творчества, но придает ему гораздо большую определённость, маркируя свободное пространство для содружества иных дисциплин в его изучении.

Руководствуясь подобными методологическими соображениями, я определяю предмет философского исследования творчества как то, что методами философского анализа подлежит исследованию: *созидание новых культурных смыслов человеческого мышления, деятельности и социальной организации*. Неразрывная связь творчества со смыслом позволяет представить его инструментом воссоздания культурного кода социального сообщества и расширения присущих ему семиотических пространств культуры.

На первый взгляд, определение творчества как сотворения культурных смыслов, по видимости, противоречит обыденному представлению о творчестве как процессу созидания нового, т.е., попросту говоря, инновационной деятельности в любых её проявлениях безотносительно к её смысловому наполнению. Но отождествление творчества с новиз-

ной, хотя и не является ложным, философски явно недостаточно. Дело в том, что само *понятие нового философски глубоко предпосылочно*. Под интуитивно постижимым понятием нового залегают мощные пласты дисциплинарно ориентированной рефлексии. Ибо не только в пресловутую реку Гераклита нельзя войти дважды.

Как показали А. Бергсон, У. Джеймс, а впоследствии и Э. Гуссерль, и в поток сознания нельзя войти дважды, так как каждый раз по видимости «одно и то же» переживание (т.е. имеющее тот же интенциональный объект) встроено в совершенно иной контекст непрерывности опыта. Феноменологическая психология отчетливо показала, что каждое отдельное переживание не имеет чётких границ с предыдущими. Оно оформляется в определённую единицу личного опыта лишь в результате рефлексивного поворота (как только что истекшее), который вычленяет его из общего потока сознания и наделяет смыслом (см. прим. 1). Отсутствие чётких границ означает, что каждое человеческое переживание окружено неповторимыми эмоционально-аффективными «окаймлениями» (fringes), и потому всегда обладает для нас новым содержанием за счет мобилизации смысловых ресурсов ретенций и протенций (см. прим. 2).

Приведу известный пример К.В. Анохина: посадив обезьяну за пишущую машинку/компьютер, мы сможем получить, по видимости, совершенно новый «текст». К.В. Анохин справедливо полагает, что его нельзя считать продуктом творчества, поскольку его результат не несет никакой пользы [1]. Я бы отказала столь экзотическому «инновационному продукту» в творческом характере и на том основании, что подобный «текст» лишен не только новых культурных смыслов, но и смыслов вообще. А процесс смыслосозидания в моём понимании конститутивен для творчества.

Проиллюстрирую недостаточность отождествления творчества с (широко понимаемой) новизной на примере нашей профессиональной деятельности. Если некто пересказал/переписал содержание чужого открытия «своими словами», то его рассказ/текст по видимости уникален. Но можем ли мы

считать его продуктом научного/философского творчества, если он не ведет к приращению знания? Ответ на этот вопрос зависит от сложившихся конвенций по поводу того, что считать новым в науке, в искусстве и социальной практике и т.п. Если в парадигме научной этики ответ на поставленный выше вопрос будет, скорее всего, отрицательным, то можно ли считать создание авторских копий в изобразительном искусстве творчеством – вопрос дискуссионный.

В социальных же практиках различие между инновацией и «подрывом основ» в значительной мере задано типом цивилизационного развития. Если в традиционном обществе исподволь идущие медленные инновации маскировались под традицию, то в техногенной цивилизации они обретают самостоятельную и весьма высокую социальную ценность: социальный прогресс становится ключевой метафорой индустриальной современности. Подобные рассуждения призваны проиллюстрировать, что само понятие нового является предметом культурных конвенций, специфичных для различных областей социального знания. Отождествляя творчество с новизной вообще, мы обрекаем себя на заведомую размытость предмета философского исследования творчества, ибо ничто в природе и в культуре не пребывает в вечно застывшем состоянии.

Если определить – значит ограничить, то, прежде всего, следует вывести из содержания понятия творчества процессы новообразования в природе в результате её аутопоэтической самоорганизации. Проблемы саморазвития в природе – удел изучения синергетики. Но, как «объективистская» математизированная конструкция, она оперирует неинтенциональными понятиями, и вписать в неё субъекта крайне сложно, если вообще возможно. А если и возможно, то крайне высокой ценой: реставрацией идеи Создателя, Творца, или Абсолютного наблюдателя, обжившего место господа Бога и взирающего на мир с позиций вненаходимости. Иными словами, включив процессы самоорганизации в природе в понятие творчества, мы непременно (но неявно) апеллируем к теологическому дискурсу креационизма.

С определением творческих характеристик собственно человеческой сознательной деятельности ещё сложнее. Любые ли её проявления отмечены печатью творчества? Рассмотрим лишь две крайние точки зрения, между которыми – целый спектр промежуточных вариаций. Первая состоит в том, что любые проявления человеческого мышления и деятельности носят творческий характер. Творчество – это атрибут человеческого бытия-в-мире: человеческое – значит творческое (В.С. Библер, Г.П. Щедровицкий, В.М. Розин и др.). Сильные аргументы в пользу этой точки зрения мы находим у ранее упомянутых А. Бергсона (dureé) и У. Джеймса (stream of consciousness), заимствованные феноменологической психологией. Суть их в том, что для сохранения идентичности (бытия собою) сознание должно непрерывно изменяться во времени, «течь», «длиться», подобно героям сказочного Зазеркалья Л. Кэрролла, которые бегут изо всех сил, чтобы оставаться на месте. Акцент же на ранее упомянутых контекстуальных различиях одного и того же переживания означает, что пережитое заново – всегда иное. Это новое переживание.

Другая точка зрения состоит в том, что в общем массиве социальных действий (как внутренних, так и внешних) можно выявить корпус сравнительно несложных рутинных операций, не требующих от человека мобилизации его творческого потенциала. Теоретическое обоснование этой позиции мы находим в социальной феноменологии. А. Шюц выстраивает свою социальную методологию, стремясь вписать в неё неустранимый, но столь ускользающий элемент, как субъективный смысл социального действия [9]. Концептуальными инструментами, позволяющими объективным образом оперировать субъективными смыслами, являются социально-типологические характеристики, или просто «типы» – смысловые конфигурации, сложившиеся эмпирически в синтезе различных пластов социального опыта. Эти смысловые паттерны по определению интерсубъективны.

В рамках обжитых жизненных миров мы не так уж часто решаем подлинно творческие задачи, рассуждает Шюц. Фе-

номенология жизненного мира представляет убедительные примеры того, что в повседневности мы склонны полагаться на заготовленные социальным опытом типизации – социально одобренные опривыченные (habitualised) паттерны социального мышления и действия. Это апробированные рецепты социально наследованного и благоприобретенного знания, даруемого культурой и социальностью. Они позволяют полагаться на известную стабильность структур привычных жизненных миров, научных парадигм («нормальная наука» Т. Куна), классических идиом в искусстве, канонических текстов религиозного сознания. В повседневной жизни мы чаще имеем дело с готовыми образцами и социальными типами, нежели подлинно творческими проявлениями человеческого духа (см. прим. 3). Подобные образцы (когнитивные паттерны) позволяют поладить с большинством повседневных задач на пониженном уровне внимания и сберечь жизненную энергию для подлинно творческих свершений.

Которая из приведённых выше точек зрения обладает большим эвристическим потенциалом? Обе они высоко эвристичны, но каждая по-своему. То, что смысловые конфигурации сознания пребывают в постоянном изменении, свидетельствуют и данные современной нейрофизиологии. Содержание сознания действительно непрерывно меняется, и современные неинвазивные методы нейронаук позволяют сопоставить изменения нейрофизиологического субстрата этих изменений с субъективным опытом человека. Но верно и то, что существуют различные уровни сложности решаемых задач (см. прим. 4). Сложность рутинных (привычных) действий сравнительно невелика. Поэтому непрерывным изменением состава знания при их осуществлении можно и пренебречь.

Подлинная же потребность в творчестве возникает там и тогда, где и когда ранее зарекомендовавшие себя образцы и схемы мышления обнаруживают когнитивные пределы своей применимости, неадекватность наличным ситуациям социального мышления и действия. Творчество дружит с тайной. Оно всегда «на грани», на изломах привычного, на отказе от

самоочевидного, само собой разумеющегося – в глубинах эпистемологического разрыва. Искра творчества озаряет нехоженые тропы в социальном бытии, созидая новые культурные смыслы человеческого мышления и деятельности. И это таинство духа воистину стоит того, чтобы его изучать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анохин К.В.* Мозг, творчество, сознание // Философия творчества / Под ред. Смирнова Н.М., Алексеев А.Ю. – М.: ИИтелл, 2015. – С. 44-52.

2. *Богоявленская Д.Б.* Еще раз о теории творчества Я.А. Пономарева // Философия творчества. Вып. 6. /ред. Смирнова Н.М., Бескова И.А. – М.: Голос, 2020. – С. 183-198.

3. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии // *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесловие Ю.Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 495-643.

4. *Моркина Ю.С.* Апперцепция и метафора в научном и поэтическом познании (К вопросу о теоретико-познавательных аспектах поэтического творчества) // Философия творчества. Вып. 6. /ред. Смирнова Н.М., Бескова И.А. – М.: Голос, 2020. – С. 99-134.

5. *Смирнова Н.М.* Понятие смысла в зеркале герменевтических практик // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Том X. Человек и его смыслы в контексте цивилизационного развития России / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: 2018. – С. 25-37.

6. *Смирнова Н.М.* Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества // Философия творчества. Вып. 7. /ред. Смирнова Н.М., Бескова И.А. – М.: Голос, 2021. – С. 10-34.

7. *Степин В.С.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. – М.: ИФ РАН, 1994. – 274 с.

8. *Черниговская Т.Б.* Творчество как предназначение мозга // Философия творчества /ред. Смирнова Н.М., Алексеев А.Ю. – М.: ИИтелл, 2015. – С. 53-62.

9. *Шюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом /пер. с англ, составление тома, Послесловие Н.М. Смирновой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

Примечания:

1. Напомню, что в феноменологической психологии опыт длящегося мгновения еще не осмыслен.

2. Термины Э. Гуссерля, означающие «удержание в памяти» (ретенция) и «предвосхищение, т.е. антиципацию восприятия» (протенция).

3. В данном случае я отвлекаюсь от того, что «прилаживание» готового социального образца к использованию в «личностном знании» (М. Полани) применительно к конкретному случаю представляет собой самостоятельную проблему.

4. Строго говоря, процесс решения даже трудных, но четко поставленных задач зачастую трудно назвать творчеством. Я бы солидаризировалась с мнением Д.Б. Богоявленской, что подлинное творчество начинается тогда, когда мыслительная активность превосходит решение поставленной задачи, т.е. простирается за пределы найденного решения.

Natalia M. Smirnova

PHILOSOPHY OF CREATIVITY AT THE VIII RUSSIAN PHILOSOPHICAL CONGRESS

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation, nsmirnova17@gmail.com.

Abstract: *Some aspects under discussion at the VIII Russian Congress on philosophy in creativity studies have been sophisticatedly analyzed in this paper. Proper definition of creativity as new cultural meanings' formation has been thoroughly substantiated. It has been clearly demonstrated, that "novelty" seems necessary, but not sufficient for creativity's definition. Two alternative approaches to the volume of the creativity definition have also been evaluated.*

Key words: *consciousness, creativity, innovation, social typification, cognitive patterns, human lifeworld.*

REFERENCES

1. *Anokhin K.V.* Mozg, tvorchestvo, soznanie // Filosofiya tvorchestva /red. Smirnova N.M., Alekseev A.Yu. – M.: IItell, 2015. – S. 44-52.

2. *Bogoyavlenskaya D.B.* Eshche raz o teorii tvorchestva Ya.A. Ponomareva // Filosofiya tvorchestva. Vyp. 6. /red. Smirnova N.M., Beskova I.A. – M.: Golos, 2020. – S. 183-198.

3. *Veber M.* O nekotorykh kategoriyakh ponimayushchei sotsiologii // Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Per. s nem. Sost., obshch. red. i posleslovie Yu.N. Davydova. – M.: Progress, 1990. – S. 495-643.

4. *Morkina Yu.S.* Appertseptsiya i metafora v nauchnom i poeticheskom poznanii (K voprosu o teoretiko-poznavatel'nykh aspektakh poeticheskogo tvorchestva). // Filosofiya tvorchestva. Vyp. 6. /red. Smirnova N.M., Beskova I.A. – M.: Golos, 2020. – S. 99-134.

5. *Smirnova N.M.* Ponyatie smysla v zerkale germenevticheskikh praktik // Voprosy sotsial'noi teorii. Nauchnyi al'manakh. T. 10 / Pod red. Yu.M. Reznika. – M.: 2018. – S. 25-37.

6. *Smirnova N.M.* Filosofsko-metodologicheskii analiz kognitivnykh osnovanii tvorchestva // Filosofiya tvorchestva. Vyp. 7. /red. Smirnova N.M., Beskova I.A. – M.: Golos, 2021. – S. 10-34.

7. *Stepin V.S.* Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoi tsivilizatsii /Stepin V.S., Kuznetsova L.F. – M.: IF RAN, 1994. – 274 s.

8. *Chernigovskaya T.B.* Tvorchestvo kak prednaznachenie mozga // Filosofiya tvorchestva / red. Smirnova N.M., Alekseev A.Yu. – M.: IItell, 2015. – S. 53-62.

9. *Shyuts A.* Izbrannoe: mir, svetyashchiisya smyslom /per. s angl, sostavlenie toma, Posleslovie N.M. Smirnovoi. – M.: ROSSPEN, 2004. – 1056 s.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022 г.